

**КОНЦЕПТУАЛИЗИРУЮЩАЯ СИЛА ГРАММАТИКИ:
ОТ ОЧЕВИДНОГО К НЕВЕРОЯТНОМУ**

Концепт является одним из центральных понятий в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. В зависимости от лингвистического направления определения этого понятия отличаются. В Кратком словаре когнитивных терминов концепт определяется как «оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы <...>, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [1, с. 90–92]. В лингвокультурологии обращается внимание на культурную значимость концепта, его существование в сознании культурного сообщества и закрепленность в языке (ср. также [2; 3, с. 115–116]). По выражению Б. Ю. Нормана, это «вербализованный в сознании сгусток культуры» [4, с. 11]. Автор обращает внимание на трудность разграничения таких терминов, как *концепт*, *понятие*, *смысл*, *символ*, *архетип*, *идея*, *значение* [Там же, с. 9].

Понятие *концептуализация* не дискутируется так же активно. Под ней подразумевается процесс образования концепта, как бы он ни определялся (см., например, анализ толкований терминов *концепт* и *концептуализация* в [5]). В нашем исследовании, в отличие от обозначенной точки зрения, мы рассматриваем концептуализацию как способ языковой репрезентации некоторого фрагмента внеязыковой действительности, который конституируется физическими объектами. Физические объекты и отношения между ними, получающие обозначение в языке, мы называем ситуациями. В статье анализируются возможности и причины вариативного языкового представления фрагментов внеязыковой действительности при помощи грамматического потенциала предложных конструкций.

Основным каналом, через который человек получает информацию о пространстве, является зрение, и это находит отражение в языке. Исследования Л. В. Солонович, например, показывают, что количество глаголов, обозначающих процесс зрительного восприятия, составляет в немецком языке более 130, что значительно больше, чем число глаголов для обозначения процессов восприятия через другие каналы [6, с. 106].

Естественно предположить, что человек должен описывать физические объекты и отношения между ними так, как он их видит. Механизм описания предполагается следующий: мы зрительно воспринимаем некоторый участок внеязыковой действительности, (пространственную ситуацию), именуем ее участников и определяем отношения между ними.

Существуют определенные психологические правила такого соотнесения, например, местоположение меньшего объекта определяется по отношению к большему объекту, а не наоборот [7, с. 83; 8, S. 36]. Известный

пример в этом отношении – *домик священника возле церкви*, а не *церковь возле домика священника*. Другие примеры: *скамейка возле забора*, а не *забор возле скамейки*, *стул возле стола*, а не *стол возле стула* и так далее.

Пространственные ситуации описываются, как правило, при помощи предложных конструкций. Если представить структуру предложной конструкции с пространственным значением в терминах теории валентности (валентностная структура постулируется и для пространственных предлогов [9, с. 19; 10, S. 51; 11]), то она выглядит следующим образом: предлоги служат для обозначения пространственного положения локализуемого объекта по отношению к локализирующему. Как правило, имя локализуемого объекта заполняет левую валентность предлога, имя локализирующего объекта – релятум – правую.

Основываясь на этом принципе, говорящий определяет, что *книга* лежит *на столе*, *картина* висит *на стене*, *шторы*, соответственно, – *на окне*, а *лампа* – *на потолке*. Однако сравнение денотативного уровня пространственных ситуаций, репрезентируемых в языке с помощью перечисленных примеров, показывает, что, несмотря на употребление одного и того же предлога, в рассматриваемых случаях речь идет о разных отношениях между объектами: *книга* и *стол* соотносятся между собой в пространстве совершенно не так, как *лампа* и *потолок*. Предположим, что возможность такого представления отношений в языке обеспечена абстрактной семантикой предлога *на*, который обозначает отношение контакта, но не выдвигает никаких требований к пространственным свойствам локализирующего объекта, в первую очередь, его форме и структуре. Выдвинутому предположению противоречат конструкции типа *шторы висят на окне*, обозначающие ситуации, в которых контакт между объектами практически исключается. Гораздо точнее пространственное расположение в русском языке отражала бы фраза *шторы висят возле окна*, или, по аналогии с *лампа висит на потолке*, *шторы тоже висят на потолке* или *на стене*.

Тот факт, что язык допускает регулярные искажения зрительно воспринимаемой информации, подтверждается и на материале конструкций с предлогами, семантика которых менее абстрактна. Отношения, обозначаемые такими предлогами, идентифицируются на основании ингерентных признаков соотносимых в пространстве объектов. К числу таких предлогов относятся, например, *перед*, *за*, *над*, *под* и ряд других. Подобные предлоги соотносят с очень ограниченным участком пространства, они задают более точные координаты расположения. Так, предлог *перед* соотносит с фронтальной стороной локализирующего объекта, предлог *за* – с тыльной, предлог *над* – с верхней и т. д. Разберем примеры с предлогом *под*, который служит для обозначения отношений в пространстве с нижней стороной физических объектов. Как показывает анализ контекстов, с помощью этого предлога обозначаются отношения и с другими участками пространства: сравни например, конструкции *щель под дверью* и *посетители под дверью*. В данном

случае декодирование конструкций и определение места расположения локализуемого объекта зависит от наших знаний о мире: мы знаем, где должны располагаться *посетители*, и где располагаются *щели*.

Предложные конструкции с пространственным значением, декодирование которых происходит не на основании семантики их компонентов, а с опорой на знания о мире и об обычном расположении объектов в пространстве по отношению друг к другу, не являются исключением в языках. С разными участками пространства соотносят, например, конструкции *рубашка в шкафу* и *червь в шкафу*, *мышь в кресле* и *гость в кресле*, *конфета во рту* и *сигарета во рту* и т. д. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что, описывая пространство, мы не столько отражаем очевидное, опираясь на семантику слов с пространственным значением, сколько пользуемся конвенциями об обозначении типичных пространственных ситуаций, применяя при этом грамматический потенциал предложных конструкций, их ролевую структуру, превращая очевидное в невероятное.

Поясним сказанное. Правая валентность пространственных предлогов, открытая для имен локализующих объектов, вопреки законам психологии часто заполняется именами объектов, значительно меньших по размеру, чем локализуемые объекты: *мяч в руках*, *человек в очках*, *девушка в сережках*, *мужчина при деньгах*, *лошадь под седлом*, *корабль под парусами* и т. д. Фактически эти конструкции являются квазипространственными. С их помощью некоторая ситуация репрезентируется как пространственная, что позволяет получить, как минимум, три важных коммуникативных эффекта:

1. Заполняя правую валентность пространственного предлога, мы смещаем коммуникативный фокус на денотат имени, подчеркивая его значимость для коммуникативной ситуации и активизируя знания, стоящие за соответствующим концептом. Например, через «помещение» человека в различные предметы одежды, аксессуаров акцентируется внимание на важности функции данного предмета, его особой роли (*в шапке*, *в галстуке*, *в носках*, *в костюме* и т. д.).

2. Предложные конструкции с пространственным значением, апеллируя к зрительным образам, позволяют значительно увеличивать информативную емкость сообщения, например, фраза *Пол скрипел под ногами* создает образ идущего человека, а *Бумага скрипит под пером* – пишущего.

3. Вербализация положения вещей в виде пространственных отношений между конституентами ситуации дает возможность придать описанию объективный характер, противопоставляя его субъективно-оценочному. Разберем пример:

*Как-то на выставке Фонда экологии детства respectable дама, познавшая толк в игрушках, пробилась между детворой, плотно окружившей стенды с изделиями из «Волшебной палочки». Пристально рассмотрев фигурки, выразила уверенность, что **перед ней** не иначе как **искусная резьба по дереву**¹.*

---

¹ Источник примера – собственный газетный корпус русского языка.

Данное высказывание можно условно разделить на две части, которые описывают с разных позиций соотношение одних и тех же объектов – женщины и фигурок. В первой части отношение этих объектов описывается как субъектно-объектное (*женщина рассматривает*), во второй части оба объекта включаются в пространственные отношения с помощью предложной конструкции. Информация о зрительном восприятии, эксплицитно представленная в первой части, во второй части присутствует имплицитно: установлено, что такую информацию имплицитируют конструкции с предлогом *перед* и наименованиями лица. Имя субъекта зрительного восприятия занимает правую валентность предлога (локализирующий объект), а имя объекта – левую (локализуемый), при этом он получает новую качественную оценку (больше не фигурки, а искусная резьба по дереву). Описание соотношения компонентов ситуации не через субъектно-объектные (*дама рассматривает фигурки*), а через пространственные отношения (*перед ней искусная резьба по дереву*) создает эффект объективности описания.

Из сказанного следует вывод о том, что описание пространственных отношений между участниками ситуации – лишь один из возможных способов репрезентации внеязыковой действительности. При этом визуально воспринимаемое пространство может в языке «искажаться» в угоду коммуникации. В этой связи возникает целый ряд теоретических вопросов, которые подлежат решению в сопоставительных исследованиях. Например, какие фрагменты внеязыковой действительности в разных языках концептуализируются как пространственные ситуации? Есть ли общие закономерности в репрезентации внеязыковой действительности через категории пространства разными языками? В каких направлениях и в какой степени разные языки искажают пространство? В чем сходства и различия факторов, детерминирующих подобные искажения? Ответы на поставленные вопросы могут стать предметом последующих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
2. *Гутовская, М. С.* Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии / М. С. Гутовская // Русский язык: система и функционирование (к 70-летию филол. ф-та) : сб. материалов IV Междунар. науч. конф., Минск, 5–6 мая 2009 г. : в 2 ч. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2009. – Ч. 1. – С. 146–150.
3. *Гутовская, М. С.* Лексико-фразеологическая структура поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках / М. С. Гутовская. – Минск, 2019. – 399 с.
4. *Норман, Б. Ю.* Когнитивный синтаксис русского языка : учеб. пособие / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 254 с.

5. *Холод, Ю. С.* Концепт и концептуализация в зарубежной лингвистической парадигме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gramota.net/materials/2/2018/6-1/38.html>. – Дата доступа: 14.10.2020.
6. *Солонович, Л. В.* Стратегии межкультурного образования в контексте мирового образовательного пространства: опыт и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Ижевск, 25–26 сент. 2018 г. / Удмур. гос. ун-т ; под ред. Р. Г. Шишкиной. – Ижевск, 2019. – С. 103–109.
7. *Кубрякова, Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 556 с.
8. *Grabowski, J.* Raumrelationen / J. Grabowski. – Opladen ; Wiesbaden : Westdeutscher Verl., 1999. – 299 S.
9. *Богуславский, И. М.* Сфера действия лексических единиц / И. М. Богуславский. – М. : Яз. слав. культуры, 1996. – 464 с.
10. *Hottenroth, P.* Die Semantik lokaler Präpositionen. Ein prototypen-semantisches Modell für die französische Präposition dans mit einer Analyse der Beziehungen zwischen der Präposition und Objektbezeichnungen in den Präpositionalsyntagmen. Habilitationsschrift / P. Hottenroth. – Konstanz : Univ. Konstanz, 1986. – 258 S.
11. *Krause, M.* Rechts-Abgrenzung durch eine Präposition / M. Krause // Satzanfang – Satzende. Syntaktische, semantische und pragmatische Untersuchungen zur Satzabgrenzung und Extraposition im Deutschen ; Hrsg. J. F. Marillier. – Tübingen : Narr, 1993. – S. 49–60.